

Алексей Гаврилович Венецианов родился в Москве, в семье небогатого купца. Рано поступив на службу, он в начале 1800 года был переведен в Петербург, в почтовое ведомство. В столице стал самостоятельно заниматься живописью, копировал картины в Эрмитаже, писал портреты. В Петербурге Венецианов сблизился Боровиковским, и в скором времени стал одним из пяти наиболее дорогих художнику учеников. Долгие годы Венецианов совмещал службу в различных ведомственных учреждениях с занятиями живописью. Постепенно его работы привлекли внимание публики и Академии Художеств. Но лишь после женитьбы в 1815 году и приобретения небольшого имения в Тверской губернии Венецианов полностью отдался творчеству.

Жизнь в имении, позволившая художнику лучше узнать труд и быт русских крестьян, высоко оценить их человеческие качества, способствовала обращению его к новой теме - изображению крестьянства, причем изображению, идущему вразрез с канонами академизма. Ученик Венецианова Мокрицкий писал «никто лучше его не изображал деревенских мужиков во всей их патриархальной простоте. Он передал их типически, не утрируя и не идеализируя, потому что вполне чувствовал и понимал богатство русской природы. В его изображении мужиков есть что-то особенно приятное. Имея чрезвычайно зоркий и зрячий глаз, он умел передать в них ту запыленность и неблестящность, которые сообщают мужику его постоянное пребывание или в поле, или в дороге, или в курной избе. Эта особенность была следствием совершенного доверия к природе».

Действительно, многие произведения Венецианова можно рассматривать как исторический источник, освящающий жизнь русских крестьян. Яркий пример тому - картина «Гумно» (1821).

Перед нами традиционный сюжет крестьянской страды - обмолот зерна, завершающий акт уборки урожая. В огромном гумне, пронизанном потоками солнечного света, льющегося из раскрытых дверей и стенного проёма, идет обычная крестьянская работа - мужики заводят запряжённых лошадей, на переднем плане остановилась группа женщин, присел крестьянин, сметающий зерно. Заметно, что работа привычна, движения людей сноровисты, неторопливы, фигуры исполнены спокойствия, силы, внутреннего достоинства. Перед нами гумно - традиционное в крестьянском хозяйстве место молотбы, провеивания зерна и установки хлебных скирд. Известно, что Венецианов работал над «Гумном» в своём имении под Тверью.¹ Таким образом, перед нами гумно, географически находившееся на севере Европейской России. Попробуем рассмотреть картину Венецианова как исторический

¹ Для удобства художника была выпиlena одна из стен хозяйственной постройки

источник и посредством её анализа попытаемся выяснить черты, которые были присущи гумнам названного региона, понять особенности процесса обмолота пшеницы и орудия, использовавшиеся при этом крестьянами.

Русская деревня знала два типа гумен: открытое и закрытое. Открытое гумно представляло собой ровное сухое пространство с песчаным грунтом, имевшее квадратную или прямоугольную форму. Крытое гумно чаще всего строили из бревен, под двускатной крышей (соломенной или тесовой), опасаясь дождей и раннего снега. Если учесть размеры крытого гумна, изображённого Венециановым, можно предположить, что хозяин его был небеден; величина постройки составляет приблизительно 15-17 метров в длину и 7-8 в ширину.

Гумно, как правило, ставили прямо на землю, без фундамента. Его пол был глинобитным или земляным, хорошо выровненным и утрамбованным. В чём же принципиальное отличие «Гумна» Венецианова? Оно приподнято над землей; сруб его стоит на прочном, бревенчатом помосте, опирающемся на огромные крепкие, вбитые в землю сваи. Пол гумна деревянный, сложенный из широких вытесанных плах, слегка налегающих друг на друга. Такая конструкция в северных районах была необходимостью, она делала гумна сухими, проветриваемыми помещениями, в какой-то степени защищёнными от грызунов; плотный пол давал возможность легко собирать случайно рассыпавшееся зерно. Традиционно внутри гумна некоторое пространство отводили для тока и хранения приготовленных к обмолоту снопов. Ток представлял собой прямоугольную, квадратную или круглую площадку на которой и происходила молотьба. Размеры тока зависели от необходимости размещения на нём нескольких молотильщиков с цепями, количества намолоченного зерна и соломы. Величина квадратного тока колебалась от 3 х 3 м., если предполагалось, что на нём будет работать один-два молотильщика, и до 5 х 5 м. при 4-5 молотильщиках. На картине Венецианова представлена удлинённая форма тока; его ширина составляет 3-5 метров, длину определить довольно сложно, видимо она устанавливалась крестьянами по потребностям. Хороший ток, рассчитанный на работу нескольких поколений, сделать было довольно сложно. Его главным достоинством являлась плотность: телеги, гружённые тяжёлыми снопами, должны были ехать по нему, не продавливая поверхности. Гумна всегда имели в своих стенах несколько широких проёмов для поезда телег. На помостах к проёмам пристраивали также деревянные настилы - взвозы. Наличие двух-трёх проёмов было удобно для проветривания зерна, позволяя работать при любом направлении ветра. «Гумно» Венецианова имеет три таких проёма, однако один из них для удобства закрыт, видимо, из опасения развеять уже обмолоченную и сложенную на току рожь.

Молотьба начиналась либо одновременно с жатвой (в середине - конце июля), либо по окончании её (середине августа - сентябре). Эта работа считалась тяжёлой, «страдной», потому что проходила в жаркое время года и требовала быстроты. На картине Венецианова мы не видим самого процесса обмолота: крестьяне закончили свою работу; заботливостью хозяина гумно чисто подметено. Восстановить картину только что происходивших здесь действий, выяснить распределение мужских и женских ролей при обмолоте помогают орудия труда: серпы, грабли, веники и лопатки. Две из четырёх изображенных Венециановым женщин, возможно, только что вернулись с поля, в их руках - серпы, наряду с косами применявшиеся крестьянами для уборки зерновых культур. Судя по всему, рожь выросла высокой и густой, либо полегла от дождей и ветров или тяжести зерен - именно в таких случаях предпочитали использовать серп. Он же позволял избежать осыпания зерна в случае, если оно сильно подсохло. С работой серпом обычно связывали представления о женской силе и ловкости. Старухи, вспоминая молодость, говорили: «Была молода, не только хлеб жевала, а и по 100 снопов в день сжинала». Вместе с тем, изображенные на гумне серпы могли использоваться крестьянами при обмолоте, в этом случае ими срезали вязки со снопов. Участие в молотьбе мужчин и парней выражалось в укладывании снопов в скирды и вывозе урожая с поля на гумно. Отсутствие на Венециановском гумне кос, задействованность всех мужчин в обмолоте, позволяют предположить, что крестьяне близки к «дожинкам», последнему дню жатвы, либо она вовсе завершена. С этого момента молотьба в деревне шла понемногу в течение осени и зимы. Какие же орудия имели непосредственное отношение к обмолоту? Как он происходил? Для ответа на эти вопросы обратимся к картине. На заднем плане изображена гружёная снопами широкая, четырёхколёсная телега - «одер». По-видимому, именно на ней крестьяне привезли зерно с поля в гумно. Характерная особенность этой телеги - плоское дно, а также решётчатый передок и задок. Высота передней и задней решётки составляет, приблизительно, один метр. Для устойчивости крайние жерди, образующие решётку, вставлены в кресалины - длинные толстые доски, которые одним концом прибиты к днищу кузова одера. Телега запряжена одной лошадью через оглобли, дугу и хомут. Учитывая размеры одера, можно предположить, что на нем умещалось от 80 до 100 снопов. Изображенные на стенах гумна цепи, оставленные на полу грабли свидетельствуют, что крестьяне Венецианова осуществляли обмолот вручную, цепами. Цеп состоял из била - дубовой палки с утолщением на конце, деревянной рукоятки и пута - соединительного ремня из сыромятной кожи. Рабочей частью цепы являлось било. Оно имело длину от 25 до 70 см, было круглым в сечении и довольно тяжёлым, до двух кг. Рукоятка, за которую его держал

молотильщик, была хорошо выточенной, удобно лежала в руке. Её длина равнялась расстоянию от земли до подбородка работавшего цепом человека. Для молотбы цепами связанные снопы раскладывали на току посадом, т. е. двумя рядами друг против друга комлями наружу, толщиной слоя около 15 см.; такая укладка снопов нужна была для того, чтобы вымолоченное зерно не разбрасывалось по току. Несколько молотильщиков, обычно 4, 6, 8 человек, становились один против другого, и все одновременно били справа налево по колосьям, продвигаясь постепенно вдоль посада. Один из них бил цепом по середине снопа и комлям. Вслед за молотильщиками шли женщины с граблями и переворачивали снопы. Дойдя до конца длинного посада, молотильщики возвращались назад, выбивая зерно из перевёрнутых снопов. Затем крестьянки серпами срезали вязки на снопах, а молотильщики, медленно продвигаясь вперед, били по колосьям цепами. Связанные в снопы или развязанные растения при молотбе переворачивались 6-8 раз с последующими ударами цепов. Это делалось для лучшего обмолота. Чем суше было зерно, тем быстрее шла молотба. Основным недостатком при работе цепами был медленный темп труда. Иногда обмолот затягивался вплоть до января, а то и дольше, что приводило к потере зерна, стоявшего в скирдах, ухудшало его качество, требовало хорошей просушки даже там, где обычно применяли сыромолот. Изображенные на картине телеги с запряженными в них лошадьми, по-видимому, использовались крестьянами для ускорения процесса молотбы. Из сельскохозяйственных орудий, использовавшихся в обмолоте, можно отметить проиллюстрированные Венециановым веяльные лопаты. Они применялись для веяния и сортировки зерна после молотбы. Как правило, материалом для их изготовления служила осина; налопатник и рукоятку вырезали всегда из одного ствола. В русской деревне было два типа веяльных лопат: с длинной (от 70 см. до 1,4 м.) и короткой рукоятью. Пример первого варианта можно увидеть в центре картины, в куче обмолоченной ржи. Лопата с длинной рукоятью имела прямоугольный, слегка вогнутый налопатник с наклонными плечиками. Его длина - от 35 до 45 см., ширина от 22 до 35 см. Такой лопатой работали стоя. На лопату укладывали ворох (зерно с мякиной и шелухой), который затем подбрасывали перед собой или против ветра, влево от себя, под углом в 50-70 градусов. Падая на ток, ворох распределялся на кучи: тяжелое зерно хорошего качества, зерно похуже и ухвостье¹ (т. е. некачественное). В руках пожилого крестьянина, изображенного Венециановым, лопата с короткой рукоятью. Её налопатник по форме приближается к квадрату (длина 20-22 см., ширина 19-20) и имеет невысокие бортики.

¹ На картине Венецианова ухвостье, видимо, собрано в большую корзину (справа)

Такой лопатой работали сидя. Она была распространена только в северо-западных губерниях Европейской России.

Знакомство с картиной «Гумно» позволяет, также, выявить особенности крестьянской одежды начала XIX века. Будничный костюм мужчин молодого и среднего возраста традиционен: яркая, туникообразного покроя рубашка-голошейка, одетый поверх неё халат с запахом, штаны и лапти. Женский наряд более разнообразен, он включает в себя разного типа рубахи, сарафан и понёву. На женщине, сидящей на полу слева, надета рубаха-долгорукавка и темно-зелёный сарафан. Особенность долгорукавки - сравнительно широкие у плеча и узкие от локтя рукава, укладываемые мелкими горизонтальными складками и закрепляющиеся на руке браслетами или зарукавьям¹. Закрытые головные уборы женщин - кокошники и повойник с платком - говорят о том, что перед нами замужние крестьянки. Ноги всех молотильщиков обернуты онучами, представляющими собой куски грубого белого или серого холста домашней выработки. Холщёвые онучи надевали летом, суконные - зимой. Онучами обматывали ступни и голень. Мужчины делали обмотку чуть ниже колен, женщины чуть выше середины икры. Обувью крестьянам служили лапти. Чтобы привязать их к ноге использовали оборы - тонкие полоски материи. На картине Венецианова можно увидеть женщину, разматывающую оборы сразу по окончании молотбы. Возможно, подвязки были не совсем удобны и зачастую натирали ноги. В крестьянской среде встречались веревочные, лыковые, тканые, плетёные, вязанные и ременные оборы; их длина составляла 1,5 - 4, 5 м., ширина - 0,5 - 4 см.. Как правило, верёвочные и лыковые оборы привязывались к будничной обуви, плетёные и верёвочные - к праздничной. Обору пропускали в петлю на заднике лаптя или поршня. Правый её конец охватывал ступню сверху, затем его продевали в левую боковую петлю, а левый - в правую. Оборой обвивали голень, укладывая её или крест-накрест, или частыми витками. Таким образом, благодаря Венецианову, перед нами чётко вырисовывается повседневный мужской и женский крестьянские костюмы.

В сцене, изображенной на полотне, нет по существу главного действующего лица, которое по правилам академической школы полагалось помещать в центре картины. Крестьяне, размещенные по краям гумна, равнозначны по степени участия в происходящем. На их лицах - усталость, тревога и забота: сумеют ли вовремя обмолотить зерно, хватит ли его до нового урожая, народиться ли хлеб в новом году.

Во все времена на Руси гумно, наполненное скирдами хлеба, воспринималось как символ богатства: «Есть на гумне, будет и в суме». Странник, подходивший поздней осенью или

¹ Зарукавья - узкие полоски ткани, застёгивавшиеся на крючок или пуговицу.

ранней зимой к деревне, увидев полные гумна, услышав в холодном воздухе ритмичный стук цепов, знал, что в деревне всё благополучно. Пустое же гумно, оставленное хозяевами, воспринималось как знак несчастья, беды. Желая предохранить гумно от пожаров, «лихих людей», нечистой силы, русские крестьяне прибегали к различным магическим приёмам: кропили его святой водой перед заполнением снопами, в Крещение рисовали углем крестики над въездными проёмами, втыкали в стены ветки можжевельника или рябины, по поверью отпугивающие нечисть. Гумно считали местом обитания гуменника, духа - хозяина гумна. В старинных быличках он описывался как существо в белой одежде, похожее на человека. Гуменник легко оборачивался бараном, стариком, журавлём. В деревнях верили, что он находился на гумне постоянно, воздействовал на обмолот зерна, защищал хлебные скирды от лешего; если же гуменник по каким-то причинам был недоволен владельцем гумна, то мог наказать: сжечь скирды. Так, в одной из быличек говорится о наказании гуменником женщины, молотившей хлеб в праздничный день: он снял с неё кожу и повесил на стенку, прибив деревянными гвоздями. Вот почему гуменника боялись, старались не рассердить, приносили ему дары в виде куска хлеба, ковши пива или браги. Верили и в то, что он может предсказать будущий урожай. В ночь на Васильев день хозяин шёл к гумну «послушать гуменника». Если удавалось услышать звук гребла, сгребającego вымолоченное зерно в кучи, то стоило надеяться на добрый урожай и богатую жизнь. Звук же от метлы, разметающей сор, свидетельствовал о несчастьях, неурожайном годе. Счастливый хозяин, ладящий с гуменником, мог услышать в новогоднюю ночь звук въезжающих на гумно тяжело нагруженных телег, стук цепов. Полная же тишина сулила крестьянину неприятности.

Картина Венецианова «Гумно» - яркий, интересный источник, всесторонне иллюстрирующий одну из сторон крестьянской повседневной жизни XIX века, обмолот зерна. Одежда, внутренний вид гумна, орудия труда позволяют представить как и где происходила молотба, кто в ней участвовал, какие особенности были присущи этой работе. Хотелось бы возразить исследователям, обвинявшим художника в недостаточной выразительности, статичности фигур крестьян. Стоит лишь внимательно всмотреться в картину, и она оживет, послышится звук цепов, въезжающих на гумно телег и ещё многое другое, о чём мечтал сообщить нам автор...

- Русские художники. Энциклопедический словарь. СПб, 1998, с. 122-124.
- А. М. Амшинская «А. Г. Венецианов, М, 1980
- Н. И. История русской культуры XIX век, СПб, 2002, с. 221-224

М. М. Громыко «Мир русской деревни», М, 1991

М. М. Громыко «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII -первая половина XIX века), Новосибирск, 1975

= Зерно, предназначенное на семена, крестьяне тщательно просеивали. Отбирали его еще с осени, так как на семена обмолачивали «сыромолотом», а остальной хлеб обсушивали в овинах.

= Весь набор злаков и незерновых, возделывавшихся русскими крестьянами в Сибири, происходил из европейской части страны: рожь, ячмень, овес, пшеница, просо, полба, гречиха, горох, лен, конопля, табак, мак. Рожь, безусловно, преобладала.

= Важно было точно определить срок жатвы для каждой культуры. Здесь, разумеется, учитывали, прежде всего, степень зрелости, но также и погодные условия, надобность в рабочих руках для других срочных дел, особенно для посева озимых, сроки которого отчасти накладывались на жатву. Срок начала жатвы устанавливался стариками. Считалось грехом убирать хлеб недозрелый, с зерном «восчаным», клейким. Однако иногда, в силу местных особенностей, делались исключения. Так, в Оренбуржье, как писали в журнале Вольного экономического общества, ячмень жали «всегда впрозелень, для того, что у спелого солома и колос пополам ломаются и спадают». В этом случае сжатый ячмень расстилали, чтобы дозрел. Рожь в средней полосе Европейской России начинали жать обычно около Ильина дня (20 июля, т. е. 2 августа нашего стиля). Несколько позже сеяли озимые. Так, в тульской провинции в 60-е годы XVIII века лучший срок сева озимой ржи определяли около 1(14) августа, второй срок - 6 (19) августа. Считалось, что хороший хозяин, хоть десятинку, хоть две, но непременно посеет до преобразования (т. е. до 6(19) августа). Но был и третий срок - около 15 (29) августа. Их так и определяли - ранний, средний и поздний сроки сева озимых. Близкие сроки были и за Уралом. В Енисейском уезде и северной части Ачинского 1 (14) августа сеяли озимую рожь; в южных частях этих уездов и в соседнем Каннском с этого числа начинали жать, а сев мог пройти и раньше. В Красноярском уезде сеяли озимь после 20 июля (2 августа). С 6 августа старого стиля жатва в этой части Сибири становилась почти повсеместной.

В рамках выработанных сроков происходили определенные колебания, вызванные разными возможностями отдельных крестьянских хозяйств, а отчасти и тем, что крестьяне по разному оценивали, какого роста должны достигнуть к началу морозов всходы озими. Семьи многочисленные и зажиточные за счет большого числа работников справлялись с

одновременным исполнением различных видов летних работ. Одиночки, малосемейные и бедняки вынуждены были распределять их во времени.

На сроки жатвы оказывала влияние и степень обеспеченности хозяйства работниками. Одиночки и малосемейные жали сначала озимую рожь, потом, около Успенья (15 (28) августа), принимались за уборку яровых; большие семьи и те, в которых нанимали работников, нередко жали все хлеба одновременно, если, конечно, созревание их позволяло. Существенно различались сроки жатвы северной и южной хлебопахотной полосы. Так, в южных уездах Тобольской губернии жатва начиналась с 20 июля, а в северных - с середины августа. В сроках уборки яровых существовала обычно своя последовательность: сначала жали рожь, потом - ячмень, позднее - пшеницу. Но определенное давление оказывал рынок: случалось, что оставляли недожатым ячмень, чтобы успеть убрать вовремя более дорогую пшеницу.

Простая, на первый взгляд, техника уборки хлеба включала немало приемов, учитывавших особенности данного злака, стадию его вызревания в конкретном случае, погоду во время жатвы. Убирали зерновые культуры серпами и косами. Жали и косили в зависимости от того, какой вырос хлеб. И в этом надо было уметь разобраться. Если рожь выросла высокой и густой, либо полегла от дождей и ветров или тяжести зерен, либо опутана выющимися травами - во всех этих случаях предпочитали серп. Не очень густую и невысокую рожь косили «под крюк», т. е. такую косою, на древко которой приделаны зубья или грабли, чтобы скошенная рожь не перепутывалась и одновременно с косью сгребалась в рядки.

Выбор между косой и серпом зависел еще и от степени влажности зерна - сырое утреннее зерно от косы не осыпалось, а подсохшее можно было уже только жать серпом; подобное же различие делалось между перезрелым и недозрелым хлебом. Таким образом, косу и серп один и тот же человек мог менять в течение дня в зависимости от погоды, времени дня и участка поля. Меняли также и виды кос. Наряду с крюком применяли литовку и горбушу. «Утром, покамест сыровато, зерно не сыплется - ярово на крюк крючуют, потом, как подсохнет, жнут», - объясняла крестьянка.

Так же поступали с пшеницей и ячменем - жали или косили в зависимости от того, какими они выросли. Овес почти всегда косили, но и здесь бывали исключения. При дождливом лете на хорошей почве овес вырастал высоким и густым, тогда его жали.

Выбор лучшего варианта продолжался и в самой жатве: если рожь полностью созрела и чиста, т. е. нет сорняков, то ее, сжатую, сразу же связывали в снопы; если же много было травы, то жали «на горсти» - складывали кучками («горстями»), чтобы трава засохла на солнце, потом уже вязали снопы.

Не было рутины и в крестьянских способах кладки, сушки, хранения хлеба. На юге (южнее Калуги), где можно было рассчитывать высушить колосья прямо в поле, сжатые горсти и снопы долго лежали неувязанными, а когда укладывали связанные снопы в крестцы и копны, обращали их колосьями наружу. В северных районах с большой влажностью (Вологодчина, например) снопы вязали сразу же и в скирды укладывали колосьями внутрь. В таких районах хлеб досушивали в овинах. Русская деревня знала овины нескольких типов. Простейшие из них состояли из дощатых колосников, на которых укладывали снопы; огонь раскладывали прямо на земляном полу в середине овина. Другие овины делали с глинобитной печью и топили ее сухостойным лесом или соломой. Делались в овинах и добротные кирпичные печи со сводом, косыми продушинами и закрывающейся трубой, которые исключали попадание искр в снопы. В Олонецкой губернии, например, делалось строение из двух частей: одна часть - с потолком, полом и печью для просушки хлеба называлась ригач; другая - без потолка, но с очень плотным полом, служила для молотбы и называлась гумно, или овин. Уборка хлеба со всеми последующими работами продолжалась обычно до 1 октября. Молотба шла понемногу в течение осени и зимы. «Деревянными на вертлюгах молотилами в тех гумнах обмолачивают и отделяют от пелевы на ветру». Деревянное молотило - короткое колено цепа - навешивалось на петле с крюком - вертлюге. Цепами молотили вручную, но отдельные крестьяне в середине XIX века применяли при молотбе лошадей, запряженных в каток. Четыре человека, работавшие на току одновременно выколачивали вручную два овина за день.

Ток делали на гумне (в Сибири употреблялось и название гуренник, например, в Нерчинском уезде) или около гумна из хорошо утрамбованной глины; зимой заливали его водой. На Алтае ток, или ладонь, устраивали под навесом. Если были близко река или озеро, ток делали прямо на льду водоема. Из зерна, обмолоченного на ледяном току, получалась наиболее чистая мука. Во время зимней молотбы на гумне работали затемно, поэтому нужно было освещение. В июле собирали березовое корье для очага, которым освещали гумно зимою. На току и веяли зерно.

Жатва собирала на пашне почти все население деревни. На основной период страды - с 1 августа до половины сентября - крестьяне переселялись в поле, и все внутриобщинные контакты шли непосредственно в производственной обстановке. «Все деревенское население в это время буквально живет на пашне; в домах, и то больше семейных и богатых, остаются одни престарелые люди и дети; многие из домов в это время запираются; случается, что одна старуха с детьми хозяйничает в нескольких домах. Все, даже 10-летние девочки и мальчики находят работу на полях и все едва ли спят три или четыре часа в сутки. Достаточные среди больших пашен ставят избушки и живут в них во время работ, бедные - шалаши, покрывая их рогожами. (Тарский округ, 50-е годы 19 в.)

Во всех делах, связанных с жатвой и уборкой, сама атмосфера дружных совместных усилий воспитывала добросовестное отношение к работе. «...Находясь в Ленских деревнях в самый разгар жнитва, - писал А. П. Щапов, - я не только во всех речах, но и во всех хлопотах, и в самих лицах крестьян замечал полнейшую, в высшей степени серьезную, вседушевную озабоченность полевыми работами». Щапов подчеркивает дружный и умелый труд способных к работе людей всех поколений крестьянской семьи в страдную пору: «Рано утром, часа в три-четыре, отец семьи, старик 70-80 лет, озабоченно будит всю свою семейную рабочую артель. Начинается общая рабочая суматоха: бабы варят, жарят, доят коров, и выпускают в степь, на покотину; наливают в лагуна квасу, в туезки кислого молока, в битки, в турсуки накладывают шанег, пирогов. Молодые мужчины «имают» лошадей и запрягают в телеги или крюки, ставят на телеги лагуны, туязья, турсуки и битки, собирают и кладут серпы и косы, вилы, грабли и т. п. сам патриарх осматривает и налаживает тяжи у телег, спицы у колес, помогает сыновьям запрягать лошадей, проверяет, все ли взяли. Когда молодые уезжают, он поит телят и загоняет в утуг, то шлею починит и повесит на спицу «на предамбарье», то поправит жерди в утуге или огороде, то выпрямит «частокол».

Славились непревзойденные мастера по конкретным видам работ в страду.

= Отзывчивость, соседская и родственная взаимопомощь наиболее открыто проявлялась на т. н. помочах. Это обычай приглашать знакомых людей для помощи в срочных работах, с которыми семья не успевает справиться самостоятельно. Как правило, хозяин, затевавший помочь, обращался к своим родственникам и соседям, но иногда решение о помочах в пользу человека, нуждавшегося в коллективной поддержке, принималось крестьянами совместно, на сельском сходе. Продолжительность работы на помочах в одних районах

была четко определена обычаем, в других - менялась в зависимости от обстоятельств. Хозяин был любезен и приветлив с помочанами. Он не мог принуждать, указывать, кому, как и сколько работать. Крестьянская этика исключала также замечания хозяина, если чья-либо работа ему не нравилась. Он мог лишь просто не пригласить такого человека в следующий раз к себе на помочь.

Помочи в разных видах сельскохозяйственных работ имели свои особенности. Благодаря взаимопомощи многие трудные дела превращались в праздник. Чаще всего применялись они для жатвы и, особенно для завершения ее. Такие помочи имели свое название, различавшееся в разных местах: «дожинки», «выжинки», «отжинки», «борода», «бородные», «каша», «круг». Помочи при завершении уборки хлеба органично срослись с обрядами и празднествами, посвященными окончанию жатвы вообще. Они сопровождались множеством примет и своеобразных действий. Само название «борода» возникло в связи с одним из обрядов на последней полосе («завить бороду»), так же как «каша» и «саломата» - в связи с блюдами, которые считались обязательными в этом случае.

В Пинежском уезде «такие более или менее веселые бородные» устраивал, по мнению информатора Вольного экономического округа, «почти каждый домохозяин в общине». В деревне становилось известно, что у такого-то «сегодня бороду завивают (дожинают), бородное будет угощение». Если предполагалось пригласить на бороду много участников (30 чел.) - то дочь или сын хозяина накануне обходили их дома, стуча палкой в окно: «Завтра на бороду к такому-то». Приглашались преимущественно девушки из родственников или близких знакомых. Ходили девушки на борода охотно, иногда даже без приглашения. В некоторых случаях зажиточные крестьяне, собиравшие много народа на дожинки, приглашали не только девушек, но и парней.

Помочанки приходили со своими серпами; работу начинали с утра и продолжали до тех пор, пока не выжинали весь хлеб, остававшийся у хозяина в поле. Наблюдатели отмечали веселое, приподнятое настроение на дожинках - песни, шутки, шалости.

Самый значительный момент дожинок наступал, когда оставались последние колосья, которым крестьяне придавали особое значение. Несколько колосьев оставляли на последней полосе поля несжатыми; их связывали и обращали колосками к земле. Это и есть борода. Бородку обвязывали травой, соломой или просто завязывали самые колосья. У

основания несжатых колосьев пололи траву и укладывали хлеб и соль. Пригнутые к земле колоски иногда ещё присыпали землёй.

Здесь же на жнивье устраивалась игра-гаданье с серпами: их бросали через голову и по расположению судили, будут ли присутствующие жать вместе на будущий год или нет.

Уход с поля с песнями - неременная черта всех помочей - дожинок. В доме хозяина поля к этому времени уже было готово угощение для помочан.

О «плате за зимние посиделки»:

Местами осенью девушки все вместе выжинали несколько полос ржи в пользу хозяина дома, в котором «сидели» предыдущую зиму. Если хозяин или хозяйка «беседы» не имели ничего посеянного (ведь чаще всего это были одинокие старик или старуха), то участницы посиделок нанимались к односельчанину побогаче на условии, что владелец поля даст им за жатву столько зерна, сколько засеял на выжатом ими месте. Тогда старик, пускавший к себе посиделки в течение сезона, оказывался обеспеченным хлебом на всю следующую зиму. Жатва в пользу владельца избы - «беседы» совершалась чаще всего в праздничный день после обеда, так как в это время работать на себя - грех, а работа такого благотворительного типа считалась крестьянами допустимой. Празднично одетые девушки собирались гурьбой и отправлялись к полю, сопровождаемые парнями с гармошкой: по дороге пели, а иногда и плясали. За работу принимались весело и ретиво. Жали только девушки, парни брались за серп разве что в шутку. Зато затевали возню, беготню, развлекали жниц остротами. Работа подвигалась быстро, так как каждой девушке хотелось показать себя хорошей жницей. Приходили смотреть на эту жатву и старики.

Литература:

1. Громыко М. М. Мир русской деревни, М, 1991
2. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII -первая половина XIX века), Новосибирск, 1975
3. Кожевникова Т. Алексей Венецианов, М, 2001
4. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия, ред. И. И. Шангина, СПб, 2005
5. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь, ред. И. И. Шангина, СПб, 2006. Русские художники. Энциклопедический словарь, СПб, 1998.

